

ТЕМНОЕ ФЭНТЕЗИ

ОН ПОВЕЛЕВАЕТ СМЕРТЬЮ.
ОНА ДАРИТ ЖИЗНЬ.
ИХ ЛЮБОВЬ ЗАПРЕЩЕНА. ИМ СУЖДЕНО ИЗМЕНИТЬ МИР.

СВЕТ В ЕГО КОСТЯХ

КОГДА ДУША СТАНОВИТСЯ ЕГО СЛАБОСТЬЮ,
ОНА — ЕГО СПАСЕНИЕМ.

18+

Алиса Лиделл

Свет в его костях

«Автор»

2026

Лиделл А.

Свет в его костях / А. Лиделл — «Автор», 2026

Смерть и жизнь — не враги друг другу, а части единого целого, без которых людской мир обречён на страшную погибель. Чистая и непорочная душа — словно хрупкий сосуд, способный разбиться или переродиться от несметного количества тьмы. Тьма — как мотылёк, летящий на него, — безропотно и безрассудно, будто сама Смерть гнала его в капкан. Но что делать, если судьба свела вместе тех, кто никогда не должен был полюбить друг друга? Ведьмина душа должна была оставаться девственно нетронутой, сдерживая ростки зла, но с готовностью прыгнула в ласковые объятия тьмы. Некромант несколько лет не ощущал биения сердца — быстрого, противного и до одури омерзительного, однако он потерял над ним контроль, и прежний вкус жизни осел на кончике языка, словно полынь.

© Лиделл А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Г	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Алиса Лиделл

Свет в его костях

Пролог.

Колдовство — не всегда означало свет и доброту, ведь испокон веков тень следовала за человеком, как напоминание об иной его сущности — звериной и нередко жестокой.

Чем выше поднималось солнце, тем сильнее становился виден порочный силуэт человека, который с каждой пройденной секундой удлинялся и вместе с тем становился всё более изломанным, словно невидимый кукловод ломал острые нити, а заодно и конечности, выворачивая их под неестественным углом.

Порою эта тень обретала власть над человеком, подчиняя его и изменяя для собственных эгоистических нужд.

А стоило попасть под подобное влияние — пагубное и заразное, как беспощадная чума, — жертву уже невозможно было спасти, поскольку мрак окутывал сознание и запускал в кровь яд, который в один день оборвёт тонкую нить и заставит трепещущее сердце замереть навеки.

Миг.

Короткий.

Жестокий.

Скорый.

Прежняя сущность бесследно растворится в густом и липком тумане, как в мареве.

Из Забытья вернётся то, что пряталось на глубине. Сундук Пандоры распахнется, выпуская демонов наружу.

Ничто не станет прежним.

Время не обратить вспять.

В моменты проблесков осознания — недолгих, словно потревоженная камнями водная гладь, пробудится истинный лик человека, однако выбраться из Преисподней, горячей в адском огне, не получится — чрезмерно ужасна боль от когтей, вонзающихся в плоть.

Но и столь недолгих минут хватало, чтобы невольно в воспалённом сознании вспыхнула мольба, которую человек направлял к небесам — там, где, по разумению простого люда, обитали Высшие Силы, или, по-иному, Боги, в жалобном кличе:

«Боги Милостивые, уверьте, что я — это я! Молю вас!»

Да только вот — Боги это не те, на кого стоит полагаться.

Богам нет дела до людских проблем и бед.

Богам неинтересны судьбы созданных ими же чад. Они лишь Наблюдатели, которые передвигают земных тварей в нужные моменты.

Они — не ангелы и не свет во плоти.

— Мама, посмотри! — радостный и искренний возглас.

Лишь дети умели так относиться к миру, ведь их сердца непорочны и невинны, а глаза горели любовью к пресловутой жизни. Взрослым не дано вернуть подобный дар: их души давно очерствели, а сердца обратились тяжёлыми булыжниками в груди — пустыми и совершенно бесполезными. Правда вот, и оттого разрушить детский мир легко.

— Что такое, Уолт? — с неохотой отозвалась бледная и статная женщина. — Ты ведь видишь — я занята... — вздохнула мать и покачала головой. Несколько чёрных прядок выбилось из длинной косы, доходящей до живота, пока мрачные очи время от времени украдкой, словно она пришла на соседний двор и своровала половину скота, поглядывали на созданные узоры.

Она недовольно цокнула языком: шов ровный и с виду весьма ладный – показать родичам или кому иному не стыдно будет, но всё же...

«Можно было и лучше. Эх, непутёвая я...» — она положила полотенце на сведённые вместе колени и накрыла полученный узор ладонями, будто на ткани находилось невесть что или иной срам. К вящему сожалению, женщина никогда в полной мере не удовлетворялась полученным результатом — всё ей было не так и не этак! — а как справиться с подобною напастью — одни Боги ведают, ну или кто пострашнее — вездесущий Дьявол.

— Ну ма-а-ама! — снова потревожил покой материнский бойкий мальчишеский голос. Женщина невольно вздрогнула, будто от неожиданного удара, и быстро заморгала, отгоняя возникший морок. — Пожалуйста! У меня для тебя подарок! — До её чуткого слуха долетело шорканье: видно, сын водил по полу ногой, точно силится что-то спрятать или от внезапной робости. Давно выучила его повадки и привычки, которые выдавали с потрохами.

Она прикрыла веки, будто при сильном недомогании, и совершила резкий выдох.

Боже милостивый! Женщина любила его, как и подобало любой матери, но иногда сын был слишком шумным, отчего в голову закрадывались всякого рода крамольные и нехорошие мысли.

Однако Высшие силы так распорядились, и ей не осталось ничего, кроме как нести столь тяжкую ношу.

Хотя бы всё ещё не сожгли, пусть цепные псы Инквизиции не спят и продолжают рыскать, стараясь унять в воздухе любой проблеск магии или иного чародейства.

— Вот! — заголосил мальчишка и подбежал к развернувшейся матери, лучась внутренним светом — искренним и чистым, из-за чего даже восходящее зарево обращалось неприметной тенью.

Но всему суждено гаснуть — в том числе самым ярким утренним лучам.

Чёрные очи матери расширились — взглянешь в них и ощутишься на глубоком дне опустевшего колодца; тонкие брови вздернулись; пухлые и слегка красные губы приоткрылись, словно с них в любой момент мог сорваться сдавленный хрип или вовсе жалобный скулёрж; черты лица — некогда мягкие исказились в незримой агонии, точно от страшной болезни или ещё чего похуже.

— Уолт... — произнесла она опасно низко, обещая одним тоном скорую и ужасную бурю. — Что ты сделал с цветком? — Мать указала на распустившийся и привлекательный на вид бутон. И невелика бы беда, не будь роза странного и совершенно чуждого цвета: не красная, а чёрная, подобно ночи без звёзд, которая накрыла собой грешную землю. Бегло осмотрелась, подобно воровке, и вернулась к тонкому стеблю, стараясь реже смотреть на цветок. — Ты ведь знаешь правила: нам нельзя показываться! — яростно зашипела она и схватила сына за плечи — так дикие птицы хватают пойманную добычу и несут в логово, дабы обглодать и оставить бранные кости. — А если... — Женщина примолкла, точно услышала чужие шаги прямо за дверью, и усилила хватку, не уделяя должного внимания изрядно перепуганному Уолту и возможности причинения ему боли. — Они нас поймают? Ты понимаешь, что произойдёт со всеми нами? — Мать не ослабляла хватку, словно пальцы её навеки вросли в плоть собственного ребёнка и стали единым целым. — Не молчи, Уолт!

Она встряхнула его порывисто, после чего подбородок Уолта стукнулся о грудь, а сам он едва не прикусил язык и вцепился в ладони матери. Цветок упал к его ногам, ласково коснувшись бутонами обуви.

— Понимаю, мама! — Уолт держался за материнские ладони с таким усердием, будто лишь она удерживала его от падения в бездну — необъятную и полную ужасающих кошмаров. — Прости меня! — Мышцы его больше не слушались; единственным чётким звуком стали удары собственного сердца, отдающие в ушах от возрастающего страха.

Неожиданно мир перестал вертеться, и всё встало на круги своя. Боль — до этого еле заметная и незримая — обожгла плечи Уолта, словно на них кузнец вылил раскалённое железо, и пламя добралось до костей, пожрав мясо.

Уолт крепко зажмурился и нервно сглотнул, чувствуя остатки дрожи в теле.

«А ведь я всего лишь хотел порадовать мамушку...» — Во рту у мальчишки появилась отвратительная горечь — словно от принятия растёртых в деревянной круглой миске целебных трав, действенных и одновременно горьких, отчего всякий раз ребёнка едва наизнанку не выворачивало.

Уолт не сразу услышал скорые и преисполненные сдерживаемой ярости речи мамушки, лишь, когда пелена спала с глаз, точно колдун проклятие снял и возвратил утерянную волю.

— Уолт. — Твёрдо и непоколебимо — она всегда так к нему обращалась, когда милости было не сыскать. — Пообещай — ты никогда не воспользуешься... — Мать замолчала и вогнала ногти в ладони, чтобы руки не так явно тряслись. Ей противно подобное называть чудом или уж тем более благословенным даром. Для неё такое колдовство окрашено в иные оттенки — жуткие и окропленные бордовым цветом. — Этим, — выплюнула с таким пренебрежением, будто увидела хворого — жалкого и абсолютно беззащитного.

Невольно тело Уолта передёрнулось, словно мышцы более ему не подвластны, и глаза защипало — остервенело, вынуждая мальчишку быстро дышать и часто моргать, не позволяя позорным слезам вырваться на волю.

Уолт и не видел иного отношения к своему колдовству — лишь ужас, вперемишку с отторжением у матери, и откровенное пренебрежение, вперемишку с отвращением, в голубых очах отца, словно он — прокажённый или вовсе проклятый с рождения.

И что задевало пуце всего — Уолт знал, что подобная кара передалась от мамушки — у той в крови текло такое же колдовство, которое она всегда скрывала — и с каждым разом всё тщательнее и тщательнее, а стоило ему полюбобытствовать, как женищина обходилась коротким предложением, которое, по её мнению, должно было всё разъяснить.

Цепные Инквизиторские псы.

Но по одной лишь сочащейся ненависти в материнских речах Уолту становилось понятно — они являлись плохими людьми, и их следовало обходить десятой дорогой, чтобы не накликать беду.

— Уолт?.. — встревоженно воззвала мать, не позволяя сыну блуждать в сгущающемся мраке. Хоть она и понимала — невозможно избавиться от того, что являлось их частью и семейным несчастьем. — Ты слышишь меня? — Голос дрогнул — на секунду, что заставило женищину сморщить аккуратный нос, а сына напрячься и обратиться в слух.

Уолт смиренно потупил голову, подобно провинившемуся рабу; ладони его обратились в плотно сжатые кулаки; ноздри раздулись; глаза — точь-в-точь как у матери, из-за чего всякий раз у отца появлялась неприязнь от сходства с ней, покрылись тонким слоем льда, пока на глубине зрачков плескалась тьма — оскалившая пасть и кровожадно облизывающаяся в предвкушении скорой жертвы.

— Слышу, мамушка, — сухо и без каких-либо эмоций выговорил Уолт, точно из него разом вытянули все эмоции и оставили внешнюю оболочку — полностью опустошённую.

— И? — настойчиво дополнила так и не успокоившаяся мать.

Уолт поджал тонкие губы, словно их заштопали, но в итоге клятва вырвалась из горла — скоро, и с еле приметной хрипотцой, будто горло не желало слушаться.

— Обещаю — большие не повторятся, мамушка... — Уолт кинул скорый взгляд на брошенный и позабытый цветок, почувствовав на кончике языка горечь при виде смятых бутонов.

Неужели оно оказалось столь чудовищно, что даже родная мамушка не увидела в розе хрупкое и оттого прекрасное? Он ведь ничего худого не сделал — всего лишь цвет изменил.

Уолт заметно поник и не заметил, как чёрные лепестки скукожились, а после и вовсе завяли, будто за ними не ухаживали так несколько дней.

Какая к чёрту разница, ведь детские надежды не оправдались и превратились в прах... А что может быть ужаснее, чем опорощенный мир ребёнка, который так и не смог познать все радости и прелести жизни?

Свист разрезал тишину — мучительную и тяжёлую — это матушка облегчённо выдохнула.

Следом — Уолт почувствовал родную теплоту на коже, приятно окутавшей и согревшей лучшие зажёженного камина или травянистого чая, отчего мальчик позволил себе небольшую вольность — расслабил напряжённые мышцы, словно неизбежный удар кнута не тронул спину или колени, а прошёл мимо. Он на короткий миг коснулся ладони матушки, ощутив исходящий от неё жар, как при неизлечимой хвори.

— Молодец, Уолт. — Матушка улыбнулась — скромно и слабо — уголками губ, однако от подобного жеста дыхание у мальчика перехватило, и поселившийся в истерзанном сердце мрак отступил, издав угрожающий вибрирующий рык. Он всегда считал — улыбка у неё самая красивая во всём мире, пусть улыбалась довольно редко и не так часто, как ему бы хотелось. — А теперь... — Ласковое и заботливое прикосновение чуть дрожащей руки к взъерошенным чёрным волосам — Уолт весь подобрался, внимательно следя за родительницей. — Иди — помоги своему отцу донести дро...

Закончить матушка не успела — иной звук прервал её.

Чуждый.

Визгливый.

И...

Боги! — сколько же адской боли и отчаяния в нём хранилось — словно с кого-то заживо сдирали кожу на потеху всем, дабы потом сжечь и выставить скелет с отваливающимися противно пахнущими кусками плоти.

Улыбка на устах женщины вмиг померкла, словно облака закрыли солнце и не давали ему согреть холодную землю; с и без того бледного лица схлынули последние краски — стремительно, словно при дурном самочувствии; глаза округлились и стали похожи на совиные.

Мальчик замер на месте — ноги будто приросли к деревянным половицам; мышцы затвердели; когтистая лапа обхватила алый орган и принялась сжимать его — с длинных уродливых когтей стекала кровь — капля за каплей, попадая в зубастую пасть; дрожь в руках стала более мощной, из-за чего мальчик зажал ладони под мышками; дыхание участилось.

Но что хуже всего — потревоженная тьма внутри. Ещё несколько минут назад она успокоилась и практически залегла на дно, однако хватило одного душераздирающего женского крика — а мальчик не сомневался, что принадлежал он не мужчине, как его дар и вместе с тем передававшееся от матери проклятье потекло по венам и слилось с ней, став чуть ли не заменой для ребёнка; рёв — злобный и яростный застрял в горле, не позволяя выговорить что-то вразумительное.

Одна мысль цеплялась за другую, подобно неправильным швам на ткани.

Перекрикивали друг друга, вызывая боль в голове и гудение в висках Уолта.

Уолт схватился за виски и впился в кожу грязными ногтями, пытаясь унять болезненные ощущения.

Но усилия мальчишки оказались тщетны — ничего удивительного, ведь он обречен с рождения нести хаос, смерть и раздор.

Свет и прочие благочестивые силы давно отвернулись от Уолта и не собирались одаривать его благодатью — он того недостоин, как и трепещущая душа, потерявшаяся в лабиринтах.

Уолт задыхался — часто и прерывисто, словно шею несчастного ребёнка обхватили кнутом и сдавили, отнимая шанс на спасение — даже самый крохотный. Унявшаяся дрожь в худом теле вспыхнула с новой силой, заставив пару раз дёргано содрогнуться, пока разум силится воздвигнуть высокие стены в пылающем адском пламени сознания — лишь бы не слышать более чужих воплей, которые выворачивали всё его существо наизнанку.

Уолт не смел отвести ладони от головы — словно та имела возможность взорваться в любой момент и оросить деревянные, промозглые стены алыми пятнами — яркими и точно светящимися в глубокой темноте.

«Боже! — когда они наконец прекратятся!..» — Уолт никогда не славился особой религиозностью, и уж точно его нельзя было уличить в тяге к той самой вере, однако сейчас мальчик готов был отдать всё — в том числе жизнь — лишь бы ощутить тишину — не ту, которая посещала их скромный дом, а внутреннюю.

В порыве нахлынувших чувств мальчик не заметил, как мать стремительно подошла к окну и на пару дюймов приоткрыла ставни.

Ни единого скрипа не прозвучало, будто ветерок обхватил её тонкие пальцы и помог избежать беды.

Зато вопли не стихли — с каждой секундой они обретали большую мощь, вызывая спазмы у женичины — лихорадочные и судорожные, а душу заставляя трепетать от опасного колдовского варева, наполненного неудержимым эмоциями, где верховодил ужас — дикий и первозданный.

Неужто...

Ей не хотелось верить в подобное — всё ведьмовское естество воспротивилось, игнорируя мучительные вопли, однако глаза не могли обмануть — и оттого становилось в разы жутче — как за себя, так и за сына: тонкий силуэт девушки — невероятно хрупкий и будто сотканный из паутинок — был привязан к высокому деревянному столбу, в то время как вокруг неё кишела толпа — голодающие стервятники, прилетевшие на пир, готовые в любую секунду выклевать округлившиеся девичьи глаза; лицо бедняжки — некогда красивое, в чём ведьма была уверена, ведь глаз её был намётан замечать прекрасное в обыденном, — искажилось в предсмертных судорогах — да таких, что даже у неё сердце сжалось, будто её боль вьелась в кости и дробила их.

Женичина зажмурилась — перед глазами её заплескали разноцветные пятна.

Она стиснула зубы — до скрежета, будто зубы её могли в любой момент раскрошиться и оставить пыль; комок опутал горло, не давая сделать хотя бы крохотного вдоха; пальцы задрожали, отчего ставни едва не стукнулись друг о друга; ужас — ледяной и вместе с тем обжигающий стих и на замену ему пришло совсем иное — ярость — жгучая, дикая и необузданная, какой не обладал никто, кроме ведьм.

«Ироды! — Короткие ногти царапнули дерево, причинив ей боль. — Создания, порождённые Дьволом! Проклятые!» — Она чувствовала, как тонкие огненные нити, подобно лианам, начали оплетать пальцы, — хватило бы минуты, дабы влияние магии полностью околдовало разум и овладело им, однако короткий вскрик и следом отчаянный ребяческий говор охладил пожар в груди у женичины, вынудив её поспешно обернуться и разглядеть в расширившихся зрачках сына страх — неконтролируемый, лихорадочный и чуть ли не животный. Это сумело помочь ей вернуть полноценный контроль.

— Уолт... — хрипло изрекла окна и резким движением закрыла ставни, отгородив их от настоящего мира и той жестокости, которая проносилась по улицам громким и оглушающим воплем.

Уолт вцепился пальцами в простую ткань материнского платья и всхлипнул — коротко, сдерживая слёзы, обжигающие глаза.

— Почему они это делают, мамочка?.. — жалобно просипел Уолт и взглянул на закрытые ставни — лицо его не изменилось, обезображенное тревогой и испугом. — Ей ведь больно!.. Так почему они продолжают?! — Голос мальчонки едва не перешёл в откровенный плач — надрывный и долгий, однако мать не успела и рта открыть — увидела старшего сына — черты лица его ожесточились, однако внешне он оставался спокойным и незаметно для Уолта кивнула, как бы прося: «Пожалуйста, заberi его».

Вильгельм кивнул и ступил вперёд — половицы под ногами жалобно заскрипели, из-за чего Уолт встрепенулся и обернулся.

Вильгельм улыбнулся как можно бодрее, словно ничего не случилось и протянул к нему руки, точно приглашал в объятия. Пара кучерявых прядок упали ему на глаза, но парень не обращал внимание на подобную мелочь.

— Идём, Уолт. Хочешь, поиграем в игрушки? — Хоть Вильгельму такое давно перестало нравиться, ради брата готов потов уступить. — Ну? Что скажешь?

Уолт посмотрел на матушку, словно силился прочитать её мысли — она подтолкнула его в спину и мальчик пошёл за братом, взяв того за руку.

Она испустила выдох, полный облегчения и лишь сейчас поняла, что тряска уменьшилась и стала практически незаметной. Посмотрела на ставни и сморила нос, будто учуяла запах сожженной плоти и тряхнула волосами, успокаивая скорые удары сердца.

— Инквизиции не истребить нас всех... — произнесла она в пустоту — резко, коротко и твёрдо, подобно удару хлыста. — Костров не хватит, проклятые. Заберем ваши души в ад.

Агнесса сидела на узкой, деревянной лавке — спина её пряма, напоминая струну на лютне менестреля; ладони покорно сложены на сведённых вместе коленях; рыжая волоса лежала на плече, касаясь груди; зелёные глаза неотрывно следили за мучающейся на костре девой — кожа её успела отслоиться, обнажая кости, однако девочка упорно внимала мучениям несчастной; на бледной — практически нездоровой коже пылали алые пятна; и лишь подрагивающие губы выдавали её чувства с эмоциями, которые она не позволяла выплеснуть.

Агнесс не обернулась при звуке решительной и одновременно лёгкой поступи — с закрытыми глазами понимала, кто.

— Отец, — отозвалась Агнесса — сдержанно и спокойно, как при прогулке на рынке и покупке еды. — Я думала, ты занимаешься дровами, — словно бы «невзначай» добавила она. Конечно, девочка не прогоняла отца — то не во зло сказано, а лишь как лёгкое удивление.

Мужчина подошёл к окну ближе и облокотился о стену крепким плечом. Он скрестил руки на мощной груди — завязки на его белоснежной рубахе были развязаны, пусть делу особо и не помогло.

Он смотрел на казнь с таким же выражением, как у дочери — под конец, когда бедняжка наконец испустила дух, поджал губы — сурово и сжал кулаки столь сильно, что сустав стали бледными.

— Почему люди делают... — Агнесса замолчала, подбирая нужные слова и теребя подол светло-коричневого платья. — Это с такими же людьми, как они? В чём смысл подобной жестокости, отец? — Девочка вскинула голову к мрачному отцу и заметила под его глазами тёмные круги, точно он не спал несколько долгих ночей.

Отец потёр переносицу и надавил на неё двумя пальцами, после чего положил ладонь на плечо дочери и сжал его — она накрыла его ладонь своей, словно успокаивала.

— Люди всегда боятся того, чего не понимают. Они не могут контролировать неизвестные им силы — им легче убить, нежели понять... — На миг ему почудился привычный и оттого мерзкий запах — с металлом, больно ударивший в расширившиеся ноздри, отчего он нервно сглотнул и постепенно высвободил дочь. Нет — та жизнь закончена. Никто не навредит его семье — никогда. — Всегда помни об этом, дочь. Иначе — рискуешь обжечься. — Он взглянул на неё и улыбнулся — вышло слабо, натянуто, но отец старался порадовать свою

кровь и плоть. — Ты молодец, что не отвернулась и испугалась, Агнесс. Смерть — такая же часть нашей жизни. Она — не враг. Рано поздно мы все повстречаемся с душами предков, — легонько потрепал нахмурившуюся дочь по голове и кивнул. — Поможешь сестре и маме с едой, — мягко спросил он — без давления и принуждения.

Агнесса в последний раз посмотрела на костёр — огонь продолжал гореть, тело мёртвой девы становилось всё более уродливым — она теряла прежний человеческий вид, став для Богов одной из многочисленных мучениц; смесь сожаления и чего-то постыдного — отворачивания заставила девочку содрогнуться, но она поспешно вскочила со скамьи, засеменив к отцу и смело обхватила его за руку.

Отец погладил ладошку дочери и потянул ее за собою, в то время как сердце его дико бухало о грудь, будто молоток; светлые волосы от работы слиплись, а на лбу возникла холодная испарина. Не от долгих часов работы — из-за тех опасений, которые крутились у него в голове из ночь в ночь. Его жена не глупа — она в то время замела следы и им удавалось скрываться от Инквизиторов и их цепных псов — они выглядели и вели себя как обычная семья, однако Томас знал как они мыслят и действуют — никогда нельзя расслабляться и всегда нужно держать ухо востро, иначе потом может стать поздно. А он не собирался рисковать семьей и семейным счастьем, которое обрёл — оно и без того недолговечно.

— Люблю тебя, звёздочка... — внезапно произнёс Томас, держа дочь.

Агнесса недоумённо вскинула тонкие брови, не совсем понимая настроение отца, но с готовностью прильнула под его бок, подобно маленькому котёнку и прикрыла глаза, не позволяя недавнему омрачить память и оставить жуткие воспоминания.

— И я тебя, папа. Всегда.

Томас кисло хмыкнул, с трудом проглотив комок.

Всегда...

А как долго продлится оно? — это навсегда.

— Ну где вы там? — раздался звучный певчий голосок — следом послышалось гроханье посуды и ещё один ребяческий голосок — капризный и настойчивый:

— Я сейчас твою порцию съем!

Агнесса с шутливым возмущением фыркнула и побежала к матери с сестрой, на ходу «угрожая».

— Только попробуй! Я заберу все твои куклы и выкину! Вовек найти не сможешь!

— Ты не посмеешь!

— А вот и посмею!

Тут женский голос изменился — стал требовательнее и жёстче, однако плавности не терял.

— А ну хватит! Сейчас обе останетесь без еды!

— Ну ма-а-ма! — заголосили обе девочки.

Томас ненадолго остановился и прикрыл веки, будто переносился мыслями в иное место — величественную и могущественную Цитадель, где находились такие же, как он — давно он называл их братьями — они делили всё вместе, однако то время покрылось плесенью — и убирать её он не намеревался, желая как можно дольше побыть здесь.

«Богги — я молю вас, не трогайте мою жену и девочек! Если хочешь наслать кару — делай это, но только на меня!»

— Папа, ты идёшь? — спросила младшая дочь и добавила: — Еда остывает.

Томас открыл глаза и расправил опущенные плечи; нацепил на лицо привычную маску, дабы семья не увидела ничего лишнего и ответил — специально весело, скрывая уязвимость.

— Иду, мои любимые! — Томас поковылял к семье, пока в мыслях вертелся единственный вопрос:

«Сколько ещё отведено их счастьем? Когда оно закончится?»

Не всю правду стоит знать — иногда она способна разрушить человека изнутри, оставив лишь внутреннюю оболочку.

Правда — не всегда спасение, а зачастую страшное наказание.

Сней необходимо быть осторожней, если не хочешь заплатить высокую цену, где чужая жизнь станет ничем иным, как медным грошом.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.